

Источник: Таганрогская правда

Дата выпуска: 08.03.1991

Номер выпуска: 47

Заглавие: В стальном саду

Автор: Г. Андрианов

Скажете: таких не бывает. На сцене всё бывает...

Сценограф спектакля Татьяна Сельвинская, дочь известного советского поэта, творчески восприняла мысль режиссера Ювеналия Калантарова, пронизывающую даже паузы между словами персонажей плотным психологическим наполнением. И, уверен, автор «Улялаевщины», «Керченского рва», драматических поэм был бы рад видеть такое единение постановщика и художника.

Со дня премьеры прошел уже не один день, а я все думаю: почему в зале, где люди стояли в ложах за неимением мест, было так тихо? И почему эта тишина взорвалась потом аплодисментами — не теми вежливыми, что, увы, бывает у нас на иных премьерах, а нескончаемо бурными? Актеров и режиссера не отпускали со сцены, наверное, так же, как тогда, в 1904 году, и тоже в марте, когда Ростовский театр привез «Вишневый сад» к нам в Таганрог. В. М. Чехов, двоюродный брат Антона Павловича, писал: «Вишневый сад» привлек такую массу публики, какую едва ли когда-либо приходилось вмещать Таганрогскому театру. Были приставные ложи на сцене, в оркестре; в ложах было набито битком, в некоторых помещалось до 15 человек. Вызовам не было конца, — потушили огни, а крик все еще раздавался. Многие ездили в Ростов вторично смотреть».

Все повторилось — почти через 90 лет.

Несколько лет назад мне посчастливилось ходить по залам экспозиции, созданной ленинградским художником Александром Смирновым на втором этаже гимназии, где учился Чехов. Экспозиции, рассказывающей о его жизни и творчестве. Но как рассказывающей!

- Это что такое? - спросил я Смирнова, показывая на прямоугольное отверстие в стенде первого, алого зала, символизирующего собой восход таганрогского гения на московском небе. На стенде была «Безотцовщина» — первая чеховская пьеса, которую мы, к сожалению, не увидели; сквозь отверстие была видна через несколько залов «Чайка».

«Стрела времени, - ответил художник. - Невидимая стрела к пьесам, которые стали вечными».

Наконечником ее стал «Вишневый сад» в последнем зале экспозиции.

Стрелы искусства не убивают, а только ранят. Но это особые, целебные стрелы. Раны, нанесенные ими, мудро болят в сердце, не давая ему умереть задолго до положенного срока — духовно.

Так бережит сердце и этот «Вишневый сад». Стальным деревом, таким одиноким, что к нему при всех излияниях любви к вишневому саду никто не прикасается. И потому листва его отсвечивает желтым: она другого цвета от тоски не знала.

Это дерево - символ многих, кто приходит сюда в первом действии таким добрым к людям, стремящимся к ним. Любви Андреевны Раневской (Елена Хакало), ее дочери Ани (Валентина Псел), Шарлотты Ивановны (Кэролайн Блэкистон), Фирсы (Октавий Лаппо), Бориса Борисовича Симеонова-Пищика (Александр Топольсков).

И кто уходит в последнем действии другим. И не только потому, что в черном платье - в знак скорбного расставания, изгнания.

Что же случилось такое, что их встретило пение птиц в саду, а провожает зловещий вороний грей в сгустившейся мгле, над - которой невидимо грохочут молнии?

Продажа имения? Так о ней уже знали и смирились с нею.

Имя тому, что происходит на сцене, — кризис

Нам сейчас слишком знакомо, слишком видно на каждом шагу это слово, чтобы его разьяснять. Не потому ли мы с таким же напряженной смотрим на сцену, как наши можно уже сказать, предки, 87 лет назад — перед первым российским катаклизмом.

И режиссер, а с ним и актеры, - бесстрашно поверив ему, обнажают весь смысл этого слова «кризис», невзирая, как и подобает истинным художникам, на то, понравится ли это кому-то в зале или не понравится.

А я уже слышу от побывавших на спектакле: зачем нас так волнуют? Угодишь раздрганым. Вот, помнится, был «Вишневый сад» на этой же сцене у ленинградца Сулимова - так приятно было смотреть: какая поэтическая ностальгия по старой культуре!

Что тут возразишь: была. Но время - мудрый режиссер. И не печалиться, а радоваться надо, что Ю. Калантаров взял на себя тяжкий крест - сказать нам, что мало нынче по культуре вздыхать. Что надо за ее возрождение бороться.

Яростно, непримиримо - даже с такими обаятельными, как Раневская и Гаев. Так я понимаю этот спектакль.

Да, много нагрешила в жизни своей помещица Раневская: достаточно посмотреть, каким стал (так и хочется сказать «под ее чутким руководством») Яша. Тут уж ни Елена Хакало, ни Борис Чибирев своих «героев» - не жалеют! Раствление - другим словом не назовешь это воспитание из крестьянского парнишки-кудрявича наглого хама, циника, законченного негодяя.

Да, ее вина и в том, что искажено уже и потому погибнет человеческое в Ермолае Алексеевиче Лопахине, таком несчастном от сознания этой искаженности своей (Юрий Лаптев).

И смерть Фирса в заколоченном доме — тоже на ней.

Свои грехи и у брата ее, Леонида Андреевича Гаева (Лев Назарян), хоть он и не сознает их с такой же отчетливостью, как сестра.

Но почему не поднимается рука вместе с Петей Трофимовым бросить кирпич на голову Раневской, когда он раскачивает этим увесистым снарядом над ее поникшей головой?

Да потому, что поникшей.

Не лежит душа к такому Пете — в солдатской шинели, а временами в кожанке. Так и ждешь, что он провозгласит: «Вишневый сад взят!». Совсем, как взявший Зимний дворец Антонов-Овсеенко, на которого исполнитель роли Петя Трофимов Владимир Бабаев удивительно похож. И хорошо бы только внешне...

Бывает, когда режиссеру хочется пустить «стрелу времени» в обратном направлении: не от времени создания пьесы к нам, а к ней из будущего.

Но тем и сильна классика, что она не нуждается в таких фантастических допингах! Нам всегда интересно в том времени увидеть, почувствовать то, что будет, что сегодня. Но именно в том, без посылок туда оживленных готовых результатов.

Потому, что и в такой Раневской, в таких Яше и Лопахине, в такой Ане мы уже видим все, чего боялся, от чего предупреждал нас Чехов, понимавший: никто за нас культуру от распада уберечь не будет.

Ни церковь с ее подвижниками, ни «простой народ», что с «господами прощаться пришел» в финале. Только мы сами спасем или предадим ее духовные традиции.

И заслуга режиссера в том, что он вдохновил актеров на противостояние такому Пете с кирпичом в одной руке и топором в другой. Который в последнем акте, где все потеряно безумны, как на пире во время чумы, торжествующе пляшет при известии о продаже вишневого сада, выхватив красную косынку-флаг из кармана.

Когда смотришь на знакомых-перезнакомых актеров и не узнаешь их - это значит, что видишь чудо перевоплощения. Я не узнавал Елену Хакало, когда она удивительным взглядом смотрела на Яшу - Чибирева. Не узнавал в этом Епиходове с тоже невыразимой походкой на носочках непередаваемо-срывающимся голосом Павла Бондаренко. Временами я не узнавал Юрия Лаптева в Лопахине, так страшен был этот скоробогач в своей непредсказуемости, Бориса Чибирева в этом крадущемся лениво-уверенно кругами вокруг своей жертвы Дуняши ли - Зои Масловой, Раневской ли...). И это радует, потому что им, молодым, идти - в творческий рост.

Чеховцы сердцем, не только умом, поняли, что кого бы они ни играли в этом спектакле, - здесь все «недотепы». И потому сердце сжимается, когда Раневская черной раненой птицей припадает к беседке — детству своему, ушедшим теням мамы своей, сына Гриши. И кажется, что не рука, а перебитое крыло бессильно свисает со стальной беседки, и невыносим мучительно тяжкий стон...

Ибо тяжело все сознавать и ничего не сделать, чтобы изменить хоть что-то: воли, нравственного стержня уже нет.

Как жаль Лопахина, которому покупка вишневого сада стала не торжеством над господами сына крепостных, а первым ударом колокола к гибели. Может быть, такой, как фабрикант Морозов через какой-то год с лишним после написания «Вишневого сада».

Больно видеть одинокое будущее чудесной, любящей Вари (Л. Астафурова), предательство всего, чем жила Аня. Тем горше, что она не осознает этого, одурманенная зовом Пети в будущее. Мы знаем какое.

Драму несбывшейся мечты о счастье, которую Кэролайн Блэкистон с силой большого таланта, мастера перевоплощения раскрыла от бело-розового, как ее платье, цветения вначале до безысходного ожесточения в финале.

Он суров – потому что Чехов был провидцем. Припутанный веревками к стальной клетке, в которую нанятые Лопахиним рабочие под стук топоров по саду сворачивают вековой уют усадьбы, умер Фирс. Уходящие из имения («Прощай, старая жизнь!») смотрят на нас. С такой надеждой. Сквозь 73 года. Когда же оправдаем ее?!

ЦГТБ имени А. П. Седюкова